

Измена генсека

Бегство из Европы 19__ г.
19__ г.

В _____ томах

Анатолий
Уткин

Суд истории

Анатолий Уткин

**Измена генсека.
Бегство из Европы**

«Алисторус»

2009

УДК 338
ББК 65.9(2

Уткин А. И.

Измена генсека. Бегство из Европы / А. И. Уткин —
«Алисторус», 2009 — (Суд истории)

ISBN 978-5-699-34070-5

После Второй мировой войны передовые рубежи обороны СССР отодвинулись далеко на запад. Помимо военного значения, протекторат Советского Союза над Восточной Европой давал нашей стране и огромные экономические преимущества; не оставались внакладе и сами восточноевропейские страны – в рамках работы Совета экономической взаимопомощи они получали такие выгоды, о которых раньше не смели и мечтать. И вот в течение всего пяти лет, во второй половине 1980-х, СССР поспешно оставил свои позиции в Европе и пошел на беспрецедентные уступки США в области вооружений в этом регионе. К примеру, советская сторона в ходе переговоров о ракетах средней дальности пообещала уничтожить 1500 уже размещенных таких ракет в Европе, а американская сторона – только 350 ракет. Именно тогда маршал Ахромеев сказал свою ставшую знаменитой фразу: «Может быть, нам заранее попросить политического убежища в нейтральной Швейцарии?» А государственный секретарь ФРГ Шульц признается, что его охватило «чувство триумфа»... О предательской по отношению к СССР политике М.Горбачева в Восточной Европе рассказывает автор данной книги, известный историк А.И. Уткин. Как всегда, его исследование строится на огромном количестве фактического материала.

УДК 338
ББК 65.9(2

ISBN 978-5-699-34070-5

© Уткин А. И., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	10
Новый лидер СССР	10
Экономические решения	13
Пять шагов в бездну	14
Новые «цивилизованные» отношения Горбачева с Западом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анатолий Уткин

Измена генсека. Бегство из Европы

Предисловие

Весь послевоенный период, так или иначе, окрашен Великой Победой, когда Советский Союз, после горестных первоначальных поражений, собрал в единый огромный кулак всю немыслимую силу народную и разгромил агрессора. В истории нашей страны не было более трагического испытания, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 г. Задуманная как война на истребление, она поставила вопрос о нашем историческом выживании. Нацисты навязали Советскому Союзу войну на истребление. И получили ее.

Два обстоятельства спасли нашу страну и нас, в ней живущих. Первое – военная промышленность дала армии могучий меч. Второе, главное, – в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью.

В трагический и решающий час Россия вывела на поля битв всех способных справиться с современной техникой. Их судьба была тяжелой, но они сохранили доблести отцов и прадедов: упорство, мужество, беспредельную жертвенность, фаталистическую небоязнь смерти. И добавили новые черты – владение техникой, самостоятельный расчет, ориентация в большом и малом мире.

Наша страна бросила все на дело национального выживания. Победа была добыта невероятными усилиями, огромными жертвами, мобилизацией всего лучшего в нашем народе. Наш народ заплатил за свою свободу огромную цену.

* * *

После войны три цели стояли перед новым Вашингтоном как перед самопровозглашенным новым центром мира: проблема самостоятельности большого и победоносного Советского Союза; создание плотины на пути левых сил в мире с сохранением базовых основ прежнего порядка; замена западноевропейского колониализма новой международной системой, базирующейся на Организации Объединенных Наций.

Трумэн подписал 11 мая 1945 г. приказ о прекращении поставок России товаров по ленд-лизу. Жестокое решение – даже вышедшие уже в море корабли были возвращены назад. Сталин назвал решение американского правительства «брутальным». Он сказал Гопкинсу, что Советский Союз – не Албания. Если окончание ленд-лиза «было замышлено как средство давления на русских с тем, чтобы ослабить их, то это было фундаментальной ошибкой». Если бы к русским «подошли откровенно и дружески, многое можно было бы сделать... Репрессии же в любой форме будут иметь обратный эффект».

В Восточной Европе, более чем в каком-либо другом регионе американцы усмотрели опасность того, что они называли советским экспансионизмом. Между тем для непредубежденного наблюдателя было достаточно ясно, что именно «война окончательно и бесповоротно уничтожила традиционные восточноевропейские политические и экономические структуры, и ничто, что Советский Союз мог сделать, не в силах было изменить этого факта, ибо не Советский Союз, а лидеры «старого порядка» в Восточной Европе сделали этот коллапс неизбежным. Русские могли работать в новых структурных ограничениях самыми различными способами, но они не могли выйти за пределы новой реальности. Более осведомленные, чем кто-либо, относительно своей слабости в случае конфликта с Соединенными Штатами, русские пошли достаточно консервативным и осторожным путем повсюду, где могли найти местные неком-

мунистические группы, согласные на отказ от традиционной политики санитарного кордона и антибольшевизма. Они были готовы ограничить воинственных левых и правых, и, принимая во внимание политическую многоликость региона, они питали не больше, но и не меньше уважения к не рожденной еще функциональной демократии в Восточной Европе, чем американцы и англичане продемонстрировали в Италии, Греции или Бельгии. Ибо ни американцы, ни англичане, ни русские не желали позволить демократии возобладать где-либо в Европе за счет важнейших стратегических и экономических интересов... Русские не намеревались большевизировать в 1945 г. Восточную Европу, если – но только если – они могли найти альтернативу»¹.

Склонность советской стороны к компромиссу сказалась, прежде всего, в практике Единого фронта, в составе которого Россия фактически заставляла прислушивающиеся к ее мнению левые партии подчиняться вождям гораздо более широких коалиций, часто традиционным консервативным деятелям. Задачей Москвы в годы войны было не создание максимального числа социалистических стран, а предотвращение возвращения в власти в восточноевропейских столицах горячих приверженцев отсекновения России от Запада, приверженцев *cordon sanitaire*, сторонников замыкания России в Евразию.

Если бы это было не так, и Сталин стремился бы распространить социализм на всю Евро-азию, то он, как минимум, готовил бы соответствующие правительства для потенциальных кандидатов от Норвегии до Турции. Между тем все правительства с которыми он, в конечном счете, имел дело, образовывались независимо. Показателен пример Эдварда Бенеша. Не был «старой заготовкой» и Болеслав Берут, не говоря уже о послевоенных министрах венгерского, румынского, болгарского и прочих правительств.

Америка же готовила полуколониальное место восточноевропейцам, положение зависящих от западноевропейского центра стран, участников мирового разделения труда на положении поставщиков самых примитивных продуктов и сырья. Свобода и демократия были своего рода «вторым эшелоном» соблазна; первым был допуск на рынки развитых стран.

Итак, Восточной Европе предлагался все тот же «старый порядок» колониализма и зависимости от финансового и технологического треугольника Нью-Йорк – Лондон – Париж. На виду у всего мира американцы уничтожили совместный характер Союзных контрольных комиссий в надежде на то, что мощь Запада сдержит революционные перемены и создаст контролируемую Западом демократию.

Вторая мировая война стала казаться американскому правительству трагической ошибкой, и империалистические Германия и Япония стали казаться предпочтительнее в качестве «спутников в будущем, чем СССР»².

Можно сказать, что «холодная война» родилась из противоречия, которое создатель Организации Объединенных Наций президент Рузвельт старательно стремился не замечать. С одной стороны, новая международная организация должна была идти по вильсоновскому пути и решать свои проблемы на «общем собрании», на Генеральной Ассамблее. С другой стороны, основные проблемы мира обязаны были решать Великие Державы (Совет Безопасности ООН). Противостояние между двумя этими фактически противоположными подходами в ходе Второй мировой войны как бы камуфлировалось. Но с наступлением мира оно стало очевидным. Мощь, а не «коллективный разум», стала основой решения спорных проблем, это и породило «холодную войну».

Был ли Советский Союз с его специфической идеологией и политической системой причиной распада мира победителей на блоки и начала «холодной войны»? Чем больше мы узнаем о процессе возвышения США, тем значительнее сомнения в такой «демонизации» Советской России. Трудно не согласиться с, возможно, лучшим западным исследователем данного

¹ Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. New York: Random House, 1968, p. 619.

² Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. New York: Random House, 1968, p. 621.

вопроса Дж. Л. Геддисом: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста»³. К. Лейн не без основания утверждает, что «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»⁴. Несогласие огромного мира с абсолютным доминированием США и повело мировое сообщество к «холодной войне».

Резюмируем. В конце Второй мировой войны в Вашингтоне утвердились несколько аксиом. Первая. Европа после периода 1914–1945 гг. ослабла радикально и надолго. Центр мира переместился за океан, на этот раз американцы утвердятся на всех континентах и предложат свои решения основных спорных проблем от Филиппин до Греции.

Вторая. США заполняют вакуум, образовавшийся после крушения Германии и Японии. В Европе американскими сателлитами станут союзники и жертвы Германии. Поражение же Японии выдвинет вперед в Азии сателлита американцев Чан Кайши и всех потенциальных партнеров воинственного Токио по «великой азиатской сфере сопроцветания». Тихий океан превратится в американское озеро, а окружающие народы будут получать от американцев все – начиная с конституции и кончая долей американского рынка.

Третья аксиома: Россия, ощутившая благоприятные стороны ленд-лиза, будет смиренно ждать помощи и в более широком смысле. Она будет строить свою безопасность на основе дружественности Америки, у нее не будет альтернативы следованию в фарватере США. Ослабленная чудовищными испытаниями, Москва вынуждена будет пойти на любые уступки при решении германского вопроса, на Балканах, в Польше, на Дальнем Востоке. А иначе ей не видать экономической помощи при восстановлении страны, не получить весомой доли репараций из Германии. Она лишится полностью влияния в таких странах, как Иран, и не получит прежде обещанной помощи в турецких проливах.

Четвертая аксиома. Атомное могущество нивелирует любые попытки подорванных войной великих держав восстановить долю мирового баланса. Отсталой стране, такой как Россия, понадобятся многие десятилетия для создания своего «абсолютного» оружия, русским не под силу пройти путь американской науки 1939–1945 гг., требующий чудовищной концентрации ресурсов и адекватных научных кадров. Атомная бомба станет неоспоримым аргументом американской дипломатии, тем «козырным тузом», который поможет Америке во всех спорных вопросах.

* * *

Американский анализ послевоенного мира оказался упрощенным. Предлагать американские рецепты развития по всему миру окажется накладно и, как показали Корея, Вьетнам и Ирак, невозможно даже для такого гиганта как Америка. Без согласия США великий Китай пошел своим путем в 1949 г., Индия в 1950-е годы, колониальные народы в ходе деколонизации 1960-х гг. В заполнении германо-японского вакуума примут участие другие народы, для которых американские решения не выглядели оптимальными. Цenia экономическую помощь, Россия все же не соблазнится обменом ее на независимость. Народы ценят собственные традиции и презируют жалкий конформизм – в чем и убедились могучая Америка на примере с Россией.

³ Gaddis J. L. The Tragedy of Cold War History // «Diplomatic History», Winter 1993, p. 3–4.

⁴ Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? // «World Policy Journal», Summer 1998, p.9.

Вплоть до середины 1980-х гг. Советскому Союзу удавалось успешно противостоять американской экспансии в мире, добиваться осуществления своих интересов на международной арене. Несмотря на определенные трудности, советская империя все послевоенные годы сохраняла статус сверхдержавы, – и так продолжалась до пресловутой горбачевской перестройки...

Часть 1

Перестройка и «новое политическое мышление» Горбачева

Новый лидер СССР

Экономический рост Советского Союза составлял примерно 10 процентов в первое послевоенное десятилетие. Во второе десятилетие он сократился вдвое – но все же это был внушительный показатель для индустриальных стран. Тем не менее встал вопрос о наращивании темпов роста, и тут развернулась борьба между двумя группами советских и партийных руководителей. В первую группу входила основная масса партийных функционеров, для которых советский коллективизм был альфой и омегой политико-экономического бытия. Интернационалистское же меньшинство, составлявшее вторую группу, опиралось на Международный отдел ЦК, на Министерство иностранных дел, КГБ, на академические институты. Оно желало создания в СССР основ рыночной экономики и политической демократии, будто бы столь эффективных на Западе. Интеллигенция решительно поддержала интернационалистов, не желая мириться со своим местонахождением «на мировой обочине».

Шанс победы появился у меньшинства тогда, когда во главе КПСС оказался Андропов. Именно он, находясь на склоне лет, выдвинул к власти энергичного и амбициозного Горбачева.

Посланный сразу на два «мероприятия» – на похороны Черненко и на первое знакомство с новым Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, – вице-президент США Джордж Буш посчитал необходимым осмыслить происходящее и донести некоторые новые идеи до президента Рейгана. Визит к Горбачеву должен был дать американцам первое представление о новом хозяине Кремля. Весьма приметного Горбачева сопровождали министр иностранных дел Громыко, помощник Горбачева по внешнеполитическим проблемам Андрей Александров-Агентов и переводчик Виктор Суходрев. (Именно в эти дни Александров-Агентов, продолживший свое пребывание в офисе генерального секретаря еще один год, пишет о неожиданных словах нового лидера: «Внешняя политика стала какой-то железной, негибкой, сконцентрированной на проблемах, не поддающихся переменам»⁵. Впрочем, такие лица, как находившийся рядом Валентин Фалин – он станет главой Международного отдела ЦК – отмечали решительную неосведомленность нового советского лидера в международных проблемах).

Горбачев сразу же поразил американцев неумным потоком слов. Подаваемые им прямые и косвенные сигналы были двусмысленными с самого начала. Во-первых, он поблагодарил за выражения сочувствия. Американская сторона должна исходить из того, что Москва сохранит преемственность. Во-вторых, Горбачев, указывая на старинные часы в кабинете, с улыбкой сказал, что «старые часы неважно определяют новое время». Новый советский лидер с самого начала поразил американцев тем, что говорил не об интересах собственного государства, которые он призван был охранять, а выступал в некой роли Христа, пекущегося «о благе всего человечества».

В донесениях в Вашингтон американское посольство в Москве стремилось дать Горбачеву объективную оценку. «Нет сомнений в том, что Горбачев любит власть. Бесспорно и то,

⁵ Oberdorfer D. The Turn. From the Cold War to a new Era. New York: Simon and Schuster, 1991, p. 112.

что он трепещет от одной мысли о возможности ее потери. Несомненно, что он очень чувствителен к критике и рассматривает даже весьма дружественную критику как измену»⁶.

Посол США Мэтлок: «Горбачев по своей природе являлся одиночкой, и это делало для него тяжелым создание эффективного консультативного и совещательного органа. У него не было ни официального совета министров, ни «кухонного» кабинета в подлинном смысле. Были, конечно, советы разных типов, члены которых приходили и уходили, встречаясь с ним лишь время от времени. Но они никогда не превращались в эффективные совещательные органы по двум причинам. Во-первых, Горбачев часто собирал вместе людей которые просто не могли вместе работать, и во-вторых, он никогда не использовал их как настоящие совещательные органы, с которыми постоянно консультируются и мнения которых воспринимают серьезно. Более того, он чаще всего говорил своим советникам, а не слушал их».

В-третьих, Горбачев назначал на важнейшие посты людей третьего и пятого калибра. По мере того, как его власть увядала, он развил в себе аллергию на всякого, кто мог бы блеснуть талантом в общественных глазах более ярко, чем его тускнеющий образ.

* * *

В июле 1985 г. выдающегося советского дипломата послевоенной эпохи А. А. Громыко сменил на посту министра иностранных дел СССР бывший глава ЦК компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе. Познакомившись ближе с Шеварднадзе и его семьей, государственный секретарь Дж. Бейкер был поражен тем, что министр великого Советского Союза более всего думает о своей закавказской родине, не скрывая этого от своих важнейших контрапартнеров. «Я находился – пишет Бейкер, – в московских апартаментах советского министра иностранных дел и беседовал с энергичной и интеллигентной его женой, которая безо всякого провоцирования открыла мне, что в глубине души она всегда была грузинской националисткой». И, пишет Бейкер, я еще много раз слышал вариации этих взглядов из уст самого советского министра⁷.

Американцы правильно зафиксировали стратегию Шеварднадзе: «Шеварднадзе довел до совершенства свою практику обращения к своим экспертам по контролю над вооружениями; именно они выдвигали собственные новые инициативы, которые Шеварднадзе затем лично предлагал американцам. После очевидного очередного прорыва он обращался к Горбачеву за одобрением – и только тогда представлял их официальным военным специалистам – как уже свершившийся факт. Именно потому, что этот гамбит работал так часто и так удачно, высшие круги советских военных ненавидели Шеварднадзе»⁸.

У Горбачева была большая и мыслящая когорта отдаленных сторонников. Михаил Горбачев привел интеллигентскую «прослойку» на капитанский мостик государственного корабля и ткнул пальцем в карту: куда плыть? В этой ситуации интеллигенция ощутила простор для политического маневра и самореализации. Этих людей (двух Яковлевых, Коротича и им подобных) тянуло к критической сенсационности. Они как бы забыли (или им помогли забыть?) о некоем большем – о судьбе Отечества, об исторических судьбах народа, о будущем своего государства. У значительной части интеллигенции выросло гиперкритическое отношение к породившему их общественному строю и вера в то, что политические реформы быстро возродят рынок – главный мотор лидирующего Запада.

⁶ Matlock J. Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York: Random House, 1995, p. 334.

⁷ Baker J. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace. 1989–1992. N.Y., 1995, p.78, 146.

⁸ Beschloss M. and Talbott S. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of Cold War. New York: Little, Brown and Company, 1993, p. 118.

Вызрело негативное восприятие патриотизма, гордости от принадлежности к своей стране. «Целились в самодержавие, а попали в Россию». Интеллигенция 1985 г. – дети самозабвенных героев войны, усмотрела в патриотизме лишь патриархальность и оправдание заско-рузости.

Но те, кто усматривает в патриотизме реликт патриархального общества, просто плохо знают Запад – проявления национальных чувств и патриотизма французов, неистребимая верность англичан своей стране, стойкая направленности немецкого сознания на защиту национальных интересов, впечатляющая испанская гордость, повсеместная итальянская солидарность и наиболее впечатляющий – американский опыт: вывешивание государственного знамени на своих домах, пение государственного гимна перед началом сакрального действия в любом молитвенном доме, в церкви любого вероисповедания и т. п. Всюду в мире как непреложные условия жизнедеятельности существует общественное проявление любви к стране своего языка, неба, хлеба и детства.

Экономические решения

Горбачева интересовала макроэкономика. Он верил в «заветное слово», в решающую часть цепи, в единственный верный путь. Его знакомая академик Ирина Заславская привела Горбачева в круг академических ученых – Леонида Абалкина и Олега Богомолова, отличавшихся критической оценкой в отношении советской экономики и сиявших новым набором экономических идей.

Новый Генеральный секретарь сразу же отверг концепцию развитого социализма. Под руководством Горбачева была пересмотрена Программа КПСС и разработана ее новая редакция, утвержденная XXVII съездом КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.). В отличие от Программы КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде партии, новая редакция не предусматривала конкретных социально-экономических обязательств партии перед народом и сняла задачу строительства коммунизма. Сам же коммунизм, характеризуемый как высокоорганизованное бесклассовое общество свободных и сознательных тружеников, предстал в новой редакции как идеал общественного устройства, а не достижимая реальность, и был перенесен в неопределенно далекое будущее. Основной упор делался на планомерное и всестороннее совершенствование социализма на основе ускорения социально-экономического развития страны.

С апреля 1985 г. до лета 1987 г. ускорение было представлено в качестве новой концепции развития советского общества, с помощью которой руководство страны намеревалось преодолеть «застой» «эпохи Брежнева». Под «ускорением» понималось новые темпы роста (преодоление тенденции к падению и переход к наращиванию темпов социально-экономического развития), новое качество роста (за счет повышения производительности труда, интенсивного развития), «крутой поворот» государства к нуждам людей, «лицом к человеку».

В 1987 г. концепция ускорения была сменена концепцией перестройки, которую стали активно пропагандировать после январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС. На пленуме, посвященном кадровой политике, М. С. Горбачев критиковал «консервативные настроения», возобладавшие в ЦК, и предложил подбирать кадры руководителей, исходя из их приверженности «идеям перестройки», которые сам же формулировал.

В октябре 1987 г. на пленуме ЦК КПСС впервые прозвучала критика кадровой политики генерального секретаря. С ней выступил первый секретарь МГК КПСС Б. Н. Ельцин. Однако члены ЦК не поддержали Ельцина. С подачи М. Горбачева они, в свою очередь, резко осудили «кадровые репрессии» партийного лидера Москвы, потребовали освободить его от занимаемого места. В ноябре того же года пленум МГК КПСС снял Ельцина с поста первого секретаря Московского горкома партии. Через несколько месяцев он был также выведен из состава Политбюро ЦК КПСС. Горбачев заявил, что больше в политику он Ельцина не допустит. Выступление опального политика на пленуме ЦК, несмотря на заявленную гласность, не было опубликовано, что стало поводом для первой студенческой манифестации московских студентов под лозунгом «Опубликуйте выступление Ельцина».

Пять шагов в бездну

Пять роковых шагов 1988 г. изменили страну так, как ее, возможно, изменили лишь 1941 и 1917 годы.

Первый шаг был предпринят Горбачевым под прямым влиянием ряда экономистов, обещавших ускорение темпа экономического роста. Генерального секретаря не устраивало предусмотренное Госпланом увеличение валового национального продукта на 2,8 процента в год. Сделать это, не покидая рельсов прежнего экономического планирования, можно было лишь в одном случае, никак не предусмотренном прежним опытом планирования в национальном масштабе, – обращением к бюджетному заимствованию, превышению расходов над доходами.

Госплан сдался под превосходящим его оборонительные возможности давлением. Проект расширения производства был создан. Цену этого расширения объявил министр финансов Гостев в ноябре 1988 г. Выступая с традиционным обзором экономического положения страны, он, как бы между прочим, объявил о том, что бюджет СССР в 1988 году будет сведен с дефицитом в 60 миллиардов рублей.

Национального потрясения это сообщение не вызвало. Имитируемый Запад часто вел экономические дела с дефицитом, и это только помогало его развитию. Инфляция? Разве не пользовались западные специалисты со времен Джона Мейнарда Кейнса инфляционным развитием в целях стимулирования экономического роста? Советский Союз ждет новый опыт, это несколько волнует, но причин для беспокойства нет.

Между тем дефицит бюджета всегда был явлением, опасным для российской государственности. Царская Россия имела несколько неизменных правил. Одним из них было: никогда не выплачивать контрибуций, даже в случае поражения (японцы в 1905 г. так и не добились их от Николая Второго, предпочитавшего отдать половину Сахалина). Другим правилом было сводить дебит и кредит в бюджете.

Нужно сказать, что России, не столь уж богатой организаторскими талантами, до конца 80-х гг. XX века везло с министрами финансов. Они были знающими, способными, трудолюбивыми людьми с большим государственным горизонтом мышления. Можно даже утверждать, что это были лучшие государственные чиновники России. Министр финансов Канкрин обеспечил казне проведение реформ 1860-х гг. Витте успешно ввел в 1897 г. золотой стандарт и подготовил Россию к испытаниям двадцатого века достаточно хорошо, по крайней мере, с точки зрения финансового обеспечения. Достаточно успешно этим курсом следовал В. Н. Коковцов. Свидетельством тому было финансовое обеспечение злосчастных авантюр 1904–1905 гг. и последовавшей Мировой войны. Поразительным фактом является то, что даже финансовый чемпион мира – Британия быстрее истощила в Мировой войне свои финансовые возможности, чем битая немцами Россия.

Даже в критических 1917–1918 гг. у царя, Временного правительства и у большевиков с финансами – в определенном смысле – было не так уж плохо. Сталин также настаивал на жесткой финансовой дисциплине. Его наследники – Хрущев и Брежнев ослабили поводья, но не до степени пренебрежения государственным бюджетом.

И вот барьер пройден. Оказалось, что ломать правила не так страшно. На следующий, 1989 г. дефицит составил уже 100 млрд. рублей, но это никого особенно в обществе не взволновало, да и экономисты не усмотрели в заимствовании денег «у будущего» ничего экстраординарного – инфляция в СССР еще составляла всего лишь несколько процентов в год, деньги оставались ценностью, как прежде. (Понадобится еще несколько лет, прежде чем лавина инфляции сокрушит экономику великой страны и поставит перед новыми испытаниями ее население).

* * *

Революционизирование бюджета, превышение расходов над доходами не могло пройти бесследно: следовало найти средства для погашения государственной задолженности, Печатный станок давал один из способов, другим стали займы за рубежом. За короткий период, в течение двух лет после 1988 г. государственный долг СССР достиг невероятной (по меркам прежних времен) цифры – 70 миллиардов долларов.

Особо отметим этот момент – интернационалисты, пришедшие к власти вместе с Горбачевым, не только не боялись, но всячески стремились к созданию столь заметного и важного фактора взаимозависимости России с Западом, как займы. О западных займах Советскому Союзу специалисты-экономисты, политологи возобладавшей прозападной элиты говорили не как о бремени, не как о долге, который предстоит выплачивать грядущим поколениям, а как о символе веры Запада в Россию. Говорилось это буквально с восторгом. Убеждали в том, что человек, имеющий долг в 10 рублей – зависим, а имеющий долг в 10 миллиардов – независим. По крайней мере, зависим от кредитора в той же мере, что и кредитор от должника. Создать эту зависимость от Запада стало едва ли не заветной целью, сознательной стратегией группы экономистов, устремившихся в кремлевские коридоры, открытые для них Горбачевым.

Эти двуликие экономисты учили студентов развивать экономические законы социализма, а на международных конференциях защищали его исторические возможности (по крайней мере, защищали Маркса). В узком же кругу суровая и резкая критика советской модели социализма стала преобладающей уже на рубеже 80-х годов. При всех расхождениях, это были убежденные западники, считавшие советскую изоляционистскую систему анахронизмом, а среди западных экономистов предпочитавших правое крыло – сторонников либеральной экономики чикагской школы. Советские последователи Милтона Фридмана симпатизировали раскрепощенному рынку, где правит сильнейший. Они заведомо презирали государственный контроль как синоним увековечивания отсталости и косности.

Грустно видеть, что не нашелся ни один трезвый экономист, разделивший бы ту идею, что не все модные западные теории хороши для абсолютно иной почвы России. Но это уже поздний вывод – в атмосфере 1988–1989 гг. патронируемая Горбачевым группа экономистов получила поле для крупнейшего экономического эксперимента в мире, нашедшего свое крайнее выражение в монетаристской реформе послегорбачевского периода.

* * *

Вторая программа, осуществленная Горбачевым в роковой для России 1988 г., была связана с надеждами финансово заинтересовать предприятия и добиться их эффективной самостоятельности. Последовала серия предложений, которые в конечном счете были сведены в «Закон о государственных предприятиях». В ажиотажной обстановке 1988 г. этот закон в силу неодолимого давления генерального секретаря был принят в качестве обязательного на всей территории страны.

Идея была простой и не поддающейся критике: каждое предприятие, большое или малое, получало права распоряжения своим бюджетным фондом, не ожидая инструкции или реакции Москвы. Получение доступа к решению судьбы своего заводского бюджета должно было, по мысли реформаторов, привести к двум результатам – каждое предприятие постарается так начать строить свое производство, чтобы увеличить наличные фонды, самоокупаемость, стремление к налаживанию производства станет законом (1); каждое предприятие усилит инициативный поиск рынков, свяжется с наиболее удобными (а не навязываемыми из Москвы)

субподрядчиками, почти автоматически оптимизируя внутри- и межрегиональные отношения производителей (2).

Результат получился до унылости однообразный: освобожденные от принудительного ценообразования хозяйственники, во-первых, попросту увеличили волевым образом цены на свою продукцию; во-вторых, они стали искать не оптимальные связи с посредниками и производителями в рамках всего Союза, а с местными руководителями, заменившими в данном случае союзных министров (директора не умели, не могли и не хотели брать ответственность лишь на себя).

С одной стороны, ослабла зависимость промышленности от центра. С другой стороны, окрепла зависимость руководства предприятий (а, соответственно, и самих предприятий) от непосредственного политико-хозяйственного руководства – на районном, городском, областном уровне, на уровне краев и автономных республик и, главное, на уровне союзных республик, чьи столицы (а не Москва) стали защитниками производительной и непроизводительной промышленности.

Те хозяйственные распорядители в Москве, которым Сталин в 1929 г. отдал в руки всю ставшую плановой экономику, теперь под давлением Горбачева буквально в одночасье сдали позиции. Да, за ними еще было частичное распределение фондов, средств, множество каналов давления, но они лишились главного рычага – строгой фиксации рублевой стоимости производимой в пределах всего Советского Союза промышленной продукции.

Короткой оказалась эйфория. Финансово-промышленные руководители в Москве начали бить в колокола, но было поздно. Да и невозможно уж было представить, что Горбачев пойдет вспять, свернет свою главную экономическую реформу. А ведь случилось нечто важнее отмены шестой статьи конституции (о главенствующей роли КПСС). Предоставленные себе, хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив коммунистическую систему управления де-факто до того, как была продумана реальная альтернатива.

* * *

Третье роковое решение касалось общей системы управления. В 1988 г. Горбачев пришел к выводу о необходимости радикального изменения управленческой системы. Препятствием на примате политической власти, реализуемой Коммунистической партией Советского Союза. В случае возникновения проблем в отношениях между предприятиями, они обращались в партийные инстанции. В зависимости от масштаба проблемы – в районные, городские, областные или республиканские комитеты партии. Если проблема выходила на межреспубликанский уровень, то арбитром становился Центральный комитет.

Эта система была создана Сталиным, и Горбачев решил нанести по ней решающий по важности удар. Довольно неожиданно для многих он объявил, что «дело партии – идеология», что вмешательство в производственный процесс чиновников от политики недопустимо, что лишенная партийного произвола экономическая машина огромной страны будет работать эффективнее.

Делу была придана большая общественная значимость. С санкции генерального секретаря в масштабах всей страны обсуждался вопрос, может ли нация содержать полтора миллиона паразитов – государственных чиновников, ничего не производящих, но определяющих из центра всю жизнедеятельность колоссального экономического организма. Второстепенные министерства были распущены в кратчайшие сроки, первостепенные резко сокращены. В пределах всего одного года численность служащих центральных министерств была сокращена с 1,7 млн. человек до 0,7 миллиона.

Пропаганда объявила резкое сокращение управленческого аппарата неким триумфом рациональности над безумием тупого администрирования. Даже в условиях нарождающейся

гласности печать не предоставила страниц своих изданий тем чиновникам, которые видели перспективу развала межрегионального сотрудничества вследствие фактического разгрома центра.

* * *

Требовать от директоров и председателей быть микро-президентами и думать обо всей стране – значило бы ожидать от них невозможного. Они отвечали за коллективы, директора предприятий не смогли бы разделить фонды и экономические возможности только в интересах общего дела. Но Москва теперь этого и не желала. Выбивайтесь за счет смекалки, энергии, предприимчивости. Это был зеленый свет «каждый за себя». Медленно, но со временем все быстрее экономика страны двинулась к опасному порогу всеобщего смятения. Построенная как единый организм, экономика СССР, отказавшись от плана, пошла ко дну.

На пути этом стояли объективная преграда или спасательный круг. Если Старая площадь пустила экономику в свободное плавание, то это еще не значило, что сразу же потеряли силу республиканские партийные комитеты четырнадцати республик. Решение Горбачева сделало невозможное возможным: заводские воротилы Украины, Белоруссии и прочих республик стали искать третейских судей естественного управленческого пресса в Киеве, Минске и других региональных столицах, отнюдь не шедших в ногу с московским экспериментатором. Теперь иметь заступника в республиканской столице оказалось важнее прежних бесценных связей с Москвой. Одним махом страна оказалась перед фактом раскола на пятнадцать гигантских вотчин. (Точнее на четырнадцать. Пятнадцатая, самая большая – Россия не имела своего республиканского партийного комитета. Она-то и начала страдать более других, ощущая губительную несогласованность работы на новом этапе).

Здесь лежат корни фантастического «сепаратизма» России, ее парадоксального желания «уйти в себя» в условиях острейшей взаимозависимости. Начинается движение в партийно-производственных кругах за формирование собственной Российской коммунистической партии – это с одной стороны. С другой – ультрарусские патриоты закладывают основание для выхода России «опутанной веригами полуразвитых соседей» из исторически сложившегося единого государства).

* * *

Четвертый шаг в неизвестность был сделан в сфере внешней торговли. Россия не была крупным импортером-экспортером, у нее имелась своя привилегированная зона – группа государств, объединенных в Совет Экономической Взаимопомощи, созданный в 1949 г., когда «холодная война» уже перекрыла Восточной Европе дорогу на Запад. Восемьдесят процентов торговли СССР приходилось на страны Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), объединявшего социалистические страны Восточной Европы.

В первые годы своего существования СЭВ не давал особой свободы для внутренних разногласий. Политический вес России был слишком велик во всех столицах государств-членов. Но время шло, все восточноевропейские страны прошли фазу ускоренной индустриализации, практически все они отдали значительную дань созданию тяжелой промышленности, их рынки прошли фазу специализации. Москвичи ждали зимы, чтобы увидеть на прилавках венгерские яблоки, повсюду в Восточной Европе на полках магазинов стояли болгарские консервы и восточногерманские пишущие машинки. Весь Советский Союз ездил в вагонах, построенных в ГДР. Само здание секретариата СЭВ было символом экономического сотрудничества: немцы из ГДР обеспечили электрическую часть оборудования этого московского небоскреба,

поляки покрыли его своим стеклом. Казалось, что СЭВ успешнее, чем Европейское экономическое сообщество, движется к экономической интеграции.

На уровне 1970–1980 гг. произошла «окончательная» специализация членов СЭВ. Движения вспять представить себе было невозможно, тем более что с 1973 г. Россия успешно спасала себя и своих партнеров по СЭВ от страшного шока двадцатикратного увеличения цены на нефть – внутри СЭВ действовали льготные расценки на это стратегическое сырье. Даже скептикам было трудно усомниться в действенности Совета Экономической Взаимопомощи, дававшего восточноевропейским социалистическим странам дешевое стратегическое сырье, а огромному Советскому Союзу – технологически емкую продукцию.

* * *

Как всегда, лучшее оказалось злейшим врагом хорошего. В условиях ослабления внутренней дисциплины чиновники стран-членов СЭВ начали объяснять неудачи своего экономического развития некачественными поставками соседей. Всем хором заговорили о желательности получить долю рынка на Западе (это давало столь ценную конвертируемую валюту). Все хором стали обвинять соседа и в ориентации на второсортную продукцию, и в предоставляемой к оплате валюте, использовать которую за пределами СЭВ было невозможно.

На уровне горбачевской либерализации 1988 г. закулисное недовольство уступило место открытой словесной сware. Сосед обвинял соседа в том, в чем, прежде всего, должен был обвинить себя – в низком качестве предлагаемого к экспорту продукта, в жажде занижить цену импорта одновременно с повышением цен своего экспорта.

Поскольку сам здравый смысл восставал против своенравных субъективных оценок, общим кличем стало требование осуществить оценки внутри СЭВ в «высшей объективной ценности» – в конвертируемой валюте. При этом как-то само собой имелось в виду, что Россия никогда не пойдет против себя самой, против своей гегемонии в СЭВ и не повысит цену на нефть до мирового уровня. Ведь тогда рухнет главная скрепка единого экономического союза, столь важного для СССР.

Ставшие бесконечными споры и требования взаимных импортных потоков стран – участников СЭВ заставили в Кремле поднять голову тех, кто находил требования партнеров просто наглыми: они покупают у нас нефть по ценам, многократно ниже мировых, а продают нам второсортные по качеству промышленные товары. Продавай мы нефть не Польше, а соседней ФРГ, мы могли бы на нефтедоллары купить превосходные западные станки и оборудование.

Главная боль споров в СЭВ докатилась до нетерпеливой головы Горбачева, и он снова начал решать проблему по примеру «гордиева узла». Сидящие рядом прогрессивные академики кивали головами: куда они денутся без нашей дешевой нефти. Если мы переведем расчеты на конвертируемую валюту, то сразу станет ясно, что Россия делает Восточной Европе невероятную по значимости поблажку. Фактор дешевой нефти решит все. Партнеры в конце очередного финансового года убедятся, что они не «технические благодетели» России, а ее неблагодарные должники. Хотите считать в долларах, давайте. Объем экспортируемой Советским Союзом нефти не давал иного трактования: спорщики остынут на льду собственных аргументов о том, что «рынок все сбалансирует, рынок все покажет в истинном свете».

СЭВ был переведен на расчеты в твердой валюте. Ее не было ни у кого – ни у бедной Румынии, ни у относительно преуспевающей ГДР. Ее не было и у гиганта СССР. Перерасчет привел к крушению связей старого (после Европейского сообщества) торгового блока в мире. «Цепь» для одних, окно для других – но дорога СССР в Центральную Европу оказалось этим решением заблокированной. А Советский Союз оказался в рамках собственной изолированной экономики.

* * *

Пятый шаг в направлении радикального изменения того, что именовалось СССР, был сделан, когда в октябре 1988 г. небольшая Эстония заявила о своем суверенитете. Горбачев назвал решение эстонского парламента противоречащим конституции, но далее словесного осуждения не пошел. В результате в следующие полгода мы увидели провозглашение самостоятельности еще семью (из пятнадцати) союзными республиками. Последний гвоздь в гроб Советского Союза был вбит российским парламентом 12 июля 1990 г. – когда Российская республика объявила о своем суверенитете. Государство Горбачева оказалось обреченным задолго до «пленения в Форосе» в августе 1991 г.

Огромная держава шагнула в историческое небытие. Компенсацией предполагалось ее признание Западом в качестве «нормальной», «цивилизованной» страны.

Новые «цивилизованные» отношения Горбачева с Западом

Уже весной 1985 г. Горбачев объявляет о шестимесячном одностороннем моратории на развертывание ракет средней дальности действия в Европе; если американцы согласятся на аналогичные действия, мораторий превратится в постоянный. Через десять дней Горбачев предложил мораторий на все испытания ядерного оружия.

На апрельском пленуме 1985 г. генеральный секретарь провозгласил нечто новое: необходимость «цивилизованных» отношений между государствами. Что он имел в виду – не было раскрыто, но сама постановка вопроса имела презумпцией, что прежние отношения периода «холодной войны» были нецивилизованными.

Воспользовавшись полетом молодого немца Руста на Красную площадь, Горбачев сменил военное руководство страны. На пост министра обороны он назначил недавнего командующего Дальневосточным военным округом генерал-лейтенанта Язова – в обход многих, более заслуженных военных чинов. Начальником Генерального штаба стал маршал Ахромеев. По оценке посла Мэтлока, «на протяжении следующих двух-трех лет связка Язов – Ахромеев (две очень отличные друг от друга личности, о них трудно говорить как о команде) служили Горбачеву отменно... Они стремились задушить свои личные взгляды и угождать Горбачеву как главенствующей политической власти страны. Несомненно, они хотели бы следовать политике, популярной в среде советского военного истеблишмента – но, когда Горбачев решал следовать очень отличным курсом, они поддерживали его, сдерживая потенциальные горячие головы среди военных, готовых выйти из-под контроля»⁹

⁹ Matlock J. Autopsy of an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York: Random House, 1995, p. 138.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.